

Куровская Юлия Геннадьевна

ГЕНДЕРНАЯ КОННОТАЦИЯ НЕМЕЦКИХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ

В данной статье описываются родовые особенности стилистически маркированных антропонимов современного немецкого языка и рассматриваются широкие дистрибутивные возможности рода при оценке лиц. В работе подтверждается семантическая активность категории грамматического рода. С помощью стилистически маркированных наименований лиц убедительно доказывается родовая коннотация как ассоциативные представления о родовой характеристике антропонима.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/1-1/38.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1): в 2-х ч. Ч. I. С. 112-118. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Статья рекомендована к публикации к.ф.н., доц. Фауст В. Н. и к.ф.н. Коноваловой Т. В.

В данной статье описываются родовые особенности стилистически маркированных антропонимов современного немецкого языка и рассматриваются широкие дистрибутивные возможности рода при оценке лиц. В работе подтверждается семантическая активность категории грамматического рода. С помощью стилистически маркированных наименований лиц убедительно доказывается родовая коннотация как ассоциативные представления о родовой характеристике антропонима.

Номинация лица представляет собой пласт лексики, наиболее подверженный эмоционально-оценочному восприятию. Оценочность заложена в самой природе антропонимов, так как почти любой признак лица предполагает оценку. Грамматический род немецких антропонимов является семантически активной категорией, которая включается в системе средств выражения лексических значений. Однако описанные фреймы не раскрывают семантический и стилистический потенциал категории рода, который наиболее ярко проявляется при образном употреблении слова.

Поскольку эмоциональность «пронизывает» всю речевую деятельность человека и закрепляется в семантике слова в качестве спецификаторов различных эмоциональных состояний человека, то помимо логико-предметных отношений и значений следует учитывать и эмотивную сторону.

При определении стилистического потенциала рода наибольший интерес представляют *эмотивные имена существительные*, в семантике которых имеются все три компонента: логико-предметный, эмотивный и функционально-стилистический [эмотивно-коннотативное значение слова], или эмотивный, и соответствующий ему функционально-стилистический компоненты [эмотивно-аффективное значение слова].

В этом случае речь идет о норме употребления социально значимых единиц и тесном взаимодействии нормативно-стилистических и собственно семантических аспектов их функционирования. Последнее обуславливает ориентацию этих наименований на устное общение, разговорную речь.

Эмоционально-экспрессивная окрашенность данных имен лиц устанавливается внеязыковыми факторами, то есть отношением к обозначаемому антропониму, денотату и явлениям, которые находятся вне рамок семантически производного и производящего слова.

Характерно переплетение внеязыковых и собственно языковых факторов, когда говорящий оценивает не только денотат, но и переход одного и того же имени на другой объект. Оценка при этом может быть разной по интенсивности, смысловая аналогия различной степени прозрачности, но динамичный аспект всегда сохраняет свою силу.

При характеристике человека *оценка* занимает одну из ведущих позиций, поскольку она наряду с мотивами, интересами, установками, убеждениями и идеалами составляет основу «духовной личности» [Джемс 1982: 61]. Помимо стремления ментального сознания человека к объективному отражению картины мира наличествует также квалификативно-оценочная деятельность, которая представляет собой своеобразный «краеугольный камень» коннотативного аспекта семантики вторичнономинативных антропонимов (о категории оценки и средствах ее выражения см. подробно в [Кулигина 1985]).

Значительную роль в создании оценочного потенциала играет *вторичная номинация*, в результате которой формирование нового смысла происходит за счет предшествующего значения языковой формы, а определенный объем сигнификативного значения переосмысливаемой языковой формы предстает как внутренняя форма нового значения.

Вторичнономинативные значения знака, также как и его первичные значения, являются на уровне языка семантически самостоятельными, относительно завершенными образованиями» [Шарифулина 1996: 34]. Они синкретизируют в своей структуре денотативную, объективно-назывную и коннотативную, субъективно-оценочную информацию.

Итак, в тропах - знаках вторичной номинации, сохраняющих интенционалы обоих значений, - переносное значение является основным при второстепенной роли прямого значения. Речь идет о переносе признаков денотата прямого значения на референта переносного. При этом первый, отдав свои признаки последнему, «как бы умирает в нем» [Косиков 1993: 6].

Обычный носитель языка, выступая как творец имен, предстает и как познающий мир субъект, чье практическое и теоретическое мышление о мире подчинено «железным» законам логики, и как субъект, создающий *образ* фрагмента мира, в котором, как во всяком образе изначально доминирует художественное его видение. При вторичной номинации этот синкретизм рассудочного и художественного (эмоционально-подсознательного) отображения мира проступает особенно отчетливо.

Коннотативный признак в этом случае отображает представление носителей языка об ассоциативных связях между обозначенной словом реалией со, свойством другой названной реалии как по сходству, так и по смежности [Телия 1981: 226]. Другими словами, механизм создания наименований в процессе вторичной номинации раскрывается на основе ассоциативного признака, который является общим качеством взаимодействующих понятий, позволяющим называть их одним именем.

В данной статье рассматриваются коннотативные признаки родовых форм антропонимов. Под родовой коннотацией понимается совокупность ассоциативных представлений, связанных с родовой характеристикой имени и обусловленных переосмыслением мотивированного и немотивированного рода.

Ассоциативный признак (сходства различного типа, соположения в пространстве, соотношения части и целого и др.) является базой для связи значений производящего и производного слова при лексико-семантическом способе словообразования. В системе вторичнономинативных антропонимов данный способ представлен метафорой, метонимией и синекдохой (как частным способом метонимии). Доминирующее положение при этом занимает метафора, то есть образное выражение, которое создается на основе переноса наименования с одного предмета на другой [Congrad 1988: 149].

Олицетворение, с одной стороны, метафорическое переосмысление обозначений неодушевленных предметов, представителей флоры и фауны, с другой стороны, зависят от родовой принадлежности этих имен, что создает замкнутость системы художественных образов немецкого языка, построенного на родовых отношениях.

Итак, рассмотрим субъективно-оценочную характеристику человека в сфере образованных семантическим путем наименований лиц мужского, женского рода в отдельности.

Субъективно-оценочные наименования лиц мужского рода

Перенос лексических значений осуществляется на основе метафорического и метонимического переосмысления. В большом объеме при этом используется именной потенциал животного и растительного мира.

Зоо-и фитоморфизмы представлены в этой сфере названиями самых разнообразных животных и растений: *Ochs[e]*, *Bulle*, *Bock*, *Gorilla*, *Hund*, *Strolch*, *Esel*, *Lowe*, *Hirsch*, *Narziss*.

В зоо-и фитопереосмыслениях отчетливо прослеживается связь с базовыми наименованиями. Качества, которыми наделены реальные представители флоры и фауны, передаются соответствующим антропонимам.

Зоосемизмы по сравнению с фитосемизмами находят более широкое использование при образовании зоофитоморфизмов-антропонимов мужского рода, особенно имеющих оценочный характер, поскольку они содержат большее количество признаков, которые способны вызывать у людей оценочные ассоциации с реалиями окружающего мира.

В частности А. А. Мартынов замечает: «Животные, подобно человеку, обладают характерными для них повадками, каждому из них присущ собственный образ жизни и тип поведения, что позволяет широко использовать названия многих из них [на базе образных ассоциаций] для образного представления духовного облика человека и особенностей его поведения» [Мартынов 1987: 97]. Например, *Bulle* употребляется в отношении упрямого мужчины, *Narziss* - в отношении сомовлюбленного лица мужского пола, *Fasan*, *Pfau* - в отношении напыщенного сноба, *Esel* - в отношении глупого, недалекого мужчины.

Ich Esel, ich wahnsinniger Esel [Remarque 1960: 386].

Активные процессы семантического переосмысления на основе зоофитоморфизмов характерны для всех сфер, субъективно оценивающих человека.

Зоо-и фитоморфизмы в статусе субъективно-оценочных суффиксоидов обладают большим дистрибутивным потенциалом. Широкий диапазон семантических значений вторично номинативных слов обусловлен многообразием признаков базисных наименований, что позволяет выделить определенные семантические группы. Преобладающее большинство данных слов являются пейоративами, среди которых наряду с ироничными, шутливыми именами встречаются аффективные (гробнианзимы и бранные слова).

«*Rest rans, dreckiger Hund!*» *bruellte ich* [Remarque 1960: 264].

Пейоративы могут характеризовать лицо мужского рода по разным критериям.

1. Они дают оценку мужчине по его негативным личностным нравственно-интеллектуальным качествам (собственно зоофитохарактеристика) (*Brummbaer*, *Lumpenhund*, *Sauhund*, *Schweinehund*, *Windhund*, *Heuochse*, *Kampfhahn*, *Paekesel*, *Lastesel*, *Drecksatz*, *Schulfuchs*). К таким качествам, характеризующим мужчину и имеющим в языке соответствующие обозначения, относятся, например:

- дерзость:

«*Es langt fuer alle Frechmoepse*» [Mann 1960: 84].

- глупость и упрямство:

«*!n gleichen Augenblick spuere ich den Rammbock aufs neue und sehe Riesenfelds Aktentasche wie eine gelbe Flagge niedergehen*» [Remarque 1957: 439].

- жадность и кровожадность:

Blumenthal war der Phyton. Ehe ich mich umsehen konnte, hatte er mir schon funfzehnhundert Mark abgehandelt» [Remarque 1960: 100].

- одержимость чувством долга:

«*Sie alter Pjlichtenbock haben uns unser Dasein so versaut* [Remarque 1957: 268].

- наглость:

Und kaum sass der Herr Sohn Im Zug, so lehnte ey sich schon In eIne Ecke, schliefe In, traemte verruecktes Zeug und liess sich von einem Schweinehund das Geld stehlen [Kaestner 1995: 60].

2. Среди дурных наклонностей и негативных привычек, свойственных лицам мужского рода, особое порицание в немецком лингвосоциуме вызывают алкоголизм и разгульный образ жизни, которые находят отражение в языке:

Partyloewe, *Sehluckspeeht*, *Schnapsdrossel* и т. д.

«Trinken Sie einen Gedaechtnisschluck auf die heimgefahrere **Schnapsdrossel**» [Remarque 1957: 391].

3. Зоофитоморфизмы являются также выразителями типично мужских видов деятельности и занятий (*Etappenhengst, Etappenhase, Etappenschwein, Kammerbulle, Schreibstubenhengst, Holzwurm, Totenvogel, Schlachtross, Kammarbulle, Kettenhund*).

«*Hoey mal, Ferdinand, alter Totenvogel*» sagte ich [Remarque 1960: 121].

4. Пейоративы, характеризующие мужчину по внешним признакам, обладают главным образом семей «неуклюжесть», «чрезмерная полнота».

«*Schon in den ersten Tagen erwischte der Elefant auf einer Patrowille Im Niemandsland einen Schuss durch die Wade*» [Remarque 1957: 201].

5. Частому высмеиванию подвергается мужская манера поведения и неумение себя держать.

«*Ich gab ihm einen dekadenten Platifuss zurueck. Er mly einen Kakadu in der Mause*» [Remarque 1960: 57].

У отдельных положительно-коннотативных зоофитоморфизмов прослеживается оттенок эмпатии, что объясняется злоупотреблением теми положительными чертами характера, которые не отвечают представлениям о настоящем мужчине.

Klaus niemals, dieser gutmuetige, treue, brave Tanzbaer [Lind 1998: 126].

Итак, наиболее полно представлены в системе словообразования зоофитоморфизмов-антропонимов мужского рода номинативная и экспрессивная функции. Контруктивное и компрессивное словообразование (субстантивация, основосложение, аббревиация), которое упрощает синтаксическую форму высказывания или форму номинативной единицы, не развиты в зоофитоморфизмах.

Ориентация разговорного языка на бытовую сферу способствует появлению метафорических переосмыслений предметного характера. Ассоциативные связи, являющиеся базой для создания мужских метафорических образов, относятся к предметам домашнего обихода (*Hammer, Lappen*), продуктам питания, предметов одежды.

Все они могут выступать в роли серийных компонентов сложных слов имен лиц мужского рода (*Blaujacke, Teerjacke*).

Метафоры, обозначающие различного типа сексуальные отклонения у мужчин, носят часто эвфемистический характер, обусловленный стремлением людей затушевать негативную суть именуемых лиц (*der Warme, der Verschnittene, der Halbseidene, der Hundertfunfundsiebzige*). Большинство данных метафорических переосмыслений являются экспрессивно-оценочными, они вызывают у реципиента, как правило, не просто отрицательные, но и более сложные негативные чувства-отношения. Негативизм метафорических образований придает им наглядность, доступность и простоту.

Функционирование имен собственных и образований на базе собственных имен в качестве субъективно-оценочных номинаций лица является ярким средством создания специфики нестандартных форм устной речи. Ономастические наименования четко разделяют антропонимы по родополовому критерию. При этом имена собственные могут выступать:

1. в своем основном значении, то есть в качестве онимов;
2. в статусе апеллятивов, то есть в качестве имен нарицательных.

Последняя функция является преобладающей. Апеллятивация отличается явно выраженной эмотивной коннотацией результативных единиц. Наибольшую деривационную продуктивность обнаруживают реальные бытовые частотные имена собственные и их композиты, мифические и библейско-христианские имена.

Выбор самого имени детерминируется культурно-национальной спецификой и фоновыми ассоциациями самого формата. Для немецкого лингвосоциума наиболее частотным объектом номинации (как правило, негативно-оценочной) становятся психические и моральные качества, профессиональная деятельность, физические признаки и умственная деятельность.

Использование имен собственных в значении нарицательных являются частным случаем метонимии и метафоры и приобретают широкую известность в разговорной речи благодаря определенным ассоциациям и образам, вызываемым при их употреблении в ментальном сознании людей. Большое влияние оказывает в этом случае телевидение, кино и реклама, что объясняется наличием достаточного количества имен сказочных персонажей, литературных и киногероев, наделенных теми или иными качествами.

При этом ономастические имена могут давать оценку внешнему облику человека (*Apollo, Travolta*), привычкам и манере поведения (*Prahlhans, Tartuff, Muenchhausen*), различным свойствам и качествам характера (*Sancho Pansa, Jeck, Jwan*), физическим данным (*Herkules, Rambo, Titan*), образу жизни (*Gigolo, Figaro, Casanova, Don Juan*).

Harald Schmidt, der Robln Hood der Ossis - das ist ja ganz was Neues [S/1 38/2000: 9].

Принимая во внимание общий негативный фон, сопровождающий все имена собственные, можно отметить ряд индивидуальных признаков, присущих каждому имени собственному в отдельности. Описание ассоциативных связей подробно рассматривается в словаре немецкой разговорной речи Г. Кюппера, в котором прослеживаются определенные закономерности употребления ономастических имен.

Например, при употреблении имени *Heini* возникает образ глупого наивного человека, что обуславливает резко отрицательную оценку характеризуемого лица. Поэтому это имя часто используется с пейоративными атрибутами и воспринимается как оскорбление, о чем свидетельствуют следующие примеры.

Мужское имя *Peter* создает образ молодого человека, к основным чертам которого относятся наглость и дерзость: *Miesepeter, Miesepeter, raubt dem Maxchen Zentimeter* [Froesi 1972, H8, 8.19].

Имена нарицательные могут заменяться имитацией имен собственных в целях шутки и издевки (*Mister Muskel* - боксер, *Kamerad Schwimm* – матрос).

Наличие у имен собственных ярко выраженной эмоционально-оценочной направленности, основанной на красочных образах и ассоциациях, позволяет использовать эти имена в статусе вторых компонентов сложных антропонимов и обуславливает их практически неограниченные дистрибутивные возможности.

Итак, суффиксоиды мужского рода - ухудшенные имена собственные представляют собой многочисленную группу. В качестве вторых компонентов сложных слов могут выступать следующие имена: *-august, -barthel, -bernd, dortel, -emil, -:franz, -fried, -friedrich, ~itze, -gustav, -hannes, -hans, -hanse, -heini, -heinrich, -huber, -hugo, -jack, -joggel, -joppchen, -jorg, josej, -karl; -kasper, -kaspar, -klaus, -louis/-lui, -matz, -maxe, -maxel, -metze, -michel, -mirl, -moritz, -moser, -nickel, -otto, -peter, -philipp, -pitter, -resi, -schani, -sepp, -thomas, -toffel*.

Десемантизированные имена собственные, выступающие в качестве суффиксоидов мужского рода, поливалентны и сочетаются с различными основами, наиболее продуктивными среди которых являются отсубстантивные и отглагольные (*Angstpeter, Krafthuber, Luegenpitter*).

Полусуффиксальные образования данного типа могут характеризовать лицо мужского рода по негативным привычкам и действиям. Например:

Dosbarthel, Stotterbernd, Gammelemil, Bummelfritze, Faselhans, Streithansl, Schwindelheini, Laekheinrieh, Heulhuber, Sehmazhugo, Latsehkasper, Plauderjoggel, Luegenjoppehen, Huppjosef, Plaudermatz, Klettermaxel, Kotzmiel, Saufnickel, Quengelpeter, Zappelphilipp, Lugenpitter, Bummelsteffen, Laethomas, Laehtoffel.

Еще одним значением данных слов является указание на пристрастие и повышенный интерес к чему-либо (*Suessigkeitsfritze, Briefmarkenheini*).

Субъективнооценочные ономастические суффиксоиды мужского рода отличаются большой продуктивностью также при обозначении лиц по их характерному признаку: *Pieckelfritze, Faulhans, Pieckelheini, Granthuber, Langmiel, Sehwarzmoser, Bosnickel, Miesepeter, Gurgeljranz, Stiefelfritze, Grillenhans, Lehrerhansl, Pomadenheini, Kra/thuber, Stehkragenlouis, Hemdenmatz, Krafimaxe, Klotzmiel, lausnickel, Launenpeter*.

Наряду с реалионимами (именами собственными реальных людей) в целях субъективного оценивания мужчин активно используются нереальные имена, многие из которых восходят к мифам сказочного или библейского происхождения.

Тематическая классификация мифонимов показывает, что наименования квазиобразов опираются на существование реальных предметов в реальной действительности, а сверхестественность квазиобразов достигается путем приписывания соответствующих свойств человеку. Мифонимы в немецком лингвосоциуме обладают интересными словообразовательными потенциалами, которые в работе рассматриваются на уровне простого слова, композит и фразеологических единиц. Для мифонимов мужского рода характерен широкий спектр коннотаций, репрезентирующих различные эмоциональноэкспрессивно-оценочные оттенки. Мифические мелиоративы представлены ономастическими именами типа *Adonis, Apollo, Butz, Elft, Juenger, Kobold, Titan, Venus*.

Er hat gearbeitet mit einer Intensitaet, mit der Ausdauer und einer Inspiration. die selbst bei ihm, diesem Titanen der Arbeit, unbegreiflich bleibt [WDG 3742].

К мифическим пейоративам относятся *Apostel, Isegrim, Judas, Juenger, Narziss, Spuek, Teufel, Wieht*.

Фразеологические ономастические единицы мужского рода характеризуются особым типом семантики: более сложным денотативным содержанием и обязательным включением коннотативных сем. Вся конструкция отличается смысловой целостностью. Выбор прилагательного, выступающего в качестве атрибута к имени собственному, обусловлен значением и оценочностью последнего и останавливается, как правило, на негативно-оценочных словах типа «bloed», «dumsh», «frech», «faul». Для понимания фразеологических ономастических единиц также решающую роль играют пресуппозиционные знания (*der arme Lazarus, billiger Jakob*).

Сложные слова со вторым компонентом - переносным наименованием родства представляют собой относительно небольшую группу и включают в свой состав суффиксоиды *-vater, -bruder, -onkel, -sohn*.

Bettbruder, Duzbruder, Kegelbruder, Herz[ens]bruder, Stempelbruder, Skatbruder, Hundesohn, Hurensohn, Bienenvater.

Данные образования имеют слабую эмоциональную окраску часто с оттенком неодобрения или пренебрежительности.

Ein richtiger Mann ist das. Nieht so ein Traenenbruder [Remarque 1960: 350].

Возможно также использование данных образований при ласковом и нежном обращении к человеку (*Goldsohn*). Употребление с именами родства диминутивных суффиксов придает сложным словам в целом презрительный оттенок (*Muttersoehnchen*).

Наименования родства могут использоваться также самостоятельно, сохраняя при этом свое переносное значение.

Наряду с антропоцентрическими номинациями метафорического характера в сфере имен лиц мужского рода также используются метонимические образования, возникающие по принципу «целое - часть» и имеющие в качестве второго компонента названия частей тела. К таковым относятся следующие суффиксоиды: *bart, -kopf, -hals, -schadel, -maul, -arsch*.

Тот факт, что синекдохи характеризуют только лица мужского рода, может быть обусловлен значением

первого компонента композиты, которое раскрывает типично мужские признаки (*Kahlkopf*), либо семантикой второго компонента (*-bart, -schaedel*).

С семантической точки зрения метонимические производные можно разбить на определенные пейоративные группы. К первой группе относятся метонимы, указывающие на социальные признаки (*Langfinger, Punkerarseh*).

Der alte ausgediente Militaerknochen hat rasch gelernt. Er will uns hochnehmen» [Remarque 1957: 395].

В состав второй группы входят наименования, раскрывающие негативные стороны характера (*Brummbart, Geizhals, Hartschadel, Lugenmaul*).

Третью группу конституируют производные слова, подчеркивающие какой-либо внешний признак (*Kahlkopf, Rotbart*).

Следующую группу составляют номинации, детерминирующие возраст (*Milehbart, Gruensehnabel*).

Den wachsenden Groll gegen Krebs, diesen ehrsuechtigen Gruenschnabel und Kommandeur ... unterdrueckte der erfahrene Mann [Otto 1991: 117].

В особую группу выделены наименования лиц мужского рода, характеризующиеся по своему негативному отношению к женщинам и образованные по ассоциации с аналогичными сказочными персонажами (*Blaubart, Doktor Eisenbart, Graubart*).

Названия неодушевленных предметов и предметов домашнего обихода не проявляют особую активность в сфере мужских наименований, что можно объяснить индифферентностью данных предметов по отношению к половым различиям. Поэтому наибольшее количество такого типа переосмыслений употребляется в общеродовом значении.

Пейоративные метонимические переосмысления, основанные на сходстве функций, характеризуют черты, присущие, как правило, мужчинам.

Значительное место в сфере субъективно-оценочных наименований лиц мужского рода занимают сленговые образования, создавая языковой эпатаж, образные и броские речевые обороты, крепкие слова, табуированную лексику. Это свойство сленга доводит «игру с языком до своеобразного шутивно-дерзкого «жонглирования» самыми различными средствами языка, весь эффект которого построен на «неожиданности» образа сравнения [Moser 1960: 225].

Контаминация как один из способов создания эмоционально-оценочной сленговой лексики также принимает участие в порождении наименований лиц мужского рода, которые представлены единичными случаями. Продукты контаминации традиционно принято называть телеосновами. Последние, в свою очередь, образованы по принципу: начало первого слова + конец второго слова. Некоторые телеосновы возникают по аналогии с уже существующими в разговорной речи наименованиями. Так, в связи с изобретением видео по сходству с *Radiot* появляется *Videot (Video + Idiot)*. Большое количество телеоснов зарегистрировано в словаре Г. Кюппера: *Haukules (hauen + Herkules)*. Подобного типа имена имеют коннотации фамильярного и уничижительного оттенка, созданные путем намеренного семантического мотивированного стяжения.

Паронимия, основанная на сходстве звучания, именуемая «паронимической аттракцией» [Девкин 1979: 194-195], также представляет единичные образования (*Tragiker - Gepaecktraeger, Polyp - Polizist, Aassessor - Assessor, Sanitoeter - Sanitaer, Philosuff - Philosoph*).

Для окказиональных имен лиц мужского рода характерны пейоративные ремотивация и неомотивация, то есть негативно-оценочное переосмысление значения некоторого внеоценочного слова или его части. Пейоративный процесс обеспечивает высокую идиоматичность образований: *Geleerter - Gelehrter, Leerer - Lehrer* и другие.

К рамках формации сленга рассматриваются также жаргоны и арго, которые, составляя особую группу социолектов, являются специфическими языковыми разновидностями, так называемыми контр-языком (*Kontrasprache*) и тайным языком (*Geheimsprache*) соответственно [Домашнев 2001: 134]. Эти антропонимы существуют в сообществе людей, объединенных производственно-профессиональными и другими общими интересами, а также принадлежностью к определенному социальному кругу или к общей возрастной группе.

Субъективно-оценочные наименования лиц женского рода

Зоофитоморфизмы занимают одно из центральных мест при субъективнооценочной характеристике антропонимов женского рода. Основной их семой является полоопределенность, что способствует созданию женских образов на базе имен животных, маркированных женским родом (*die Ziege, die Kuh, die Schnecke, die Gans, die Schlange, die Fliege, die Biene, die Katze, die Eule, die Woelfin*).

Данные наименования являются банальными метафорами, декодирование которых происходит в результате накопленного опыта, опирается на привычные связи, представления и ассоциации. Так, например, на базе зоосемизма «*die Gans*» возникает зооморфизм, характеризующий глупую женщину.

«*Ihr Gaense! Wo ist das Geld?*» [Remarque 1957: 394].

Зоофитоморфизмы принимают активное участие в порождении сложных слов, выступая при этом в статусе базовых компонентов: *Mordskroete, Suppenhuhn, Ringelnatter, Brillensehlanze, Karbolmaus, Salatschnecke, Sexkuh, Klammezkatz, Himmelsziege, Balettratte, Schneegans, Goldfisch, Schnatterente, Betthase, Spinatwachtel* и другие.

Super Illu zu Besuch bei Petra Schneider Kind, eistiger Goldfisch der DDR [S/1, № 6/1998: 12].

Среди зоофитоморфизмов выделяются фразеологические единицы, обозначающие возраст или физические недостатки (*alte Kuh, lahme Kuh, diese alte Eule*), подчеркивающие или высмеивающие женскую при-

влекательность (*bunte Kuh, netter, niedlieher, reizender, suesser, kesser Kaefer, flotte Eule, suesser Spatz*), указывающие на недостаток ума (*daemmliehe, dumme Kuh*), дающие качественную характеристику (*dufte, kesse Biene, galdenes Kalb*).

Закономерно женские имена собственные менее продуктивны, чем мужские. Для ономастических женских имен также необходимы определенные фоновые знания, позволяющие провести параллели между характеризующим лицом и квазиобразом.

Du bist ein vergessliches Lieschen. Seine Frau ist eine Zimmerpflanze, ein jleissiges Lieschen, lieb und anspruchslos [Dewkin 1999: 249]. При наречении женщины определенным именем имеются ввиду какие-либо отрицательные качества (*Pfennigliese, Heulsuse, Klatschtrine, Schwabbelhanne, Quengelguste, Tratschmirl, Schmutzurschel*).

Достаточно популярны в немецком лингвосоциуме мифонимы, образованные на базе названий сказочных и фантастических существ (*-drache, vamp, -ee, --nixe, -sirene, -dragoner, -engel*). Женщина при этом наделяется сверхъестественными способностями, качествами и признаками, отличающими ее от других представительниц прекрасного пола (искусство готовить, умение колдовать, очаровать, свести с ума своей красотой или, наоборот, сварливым нравом). Например: *die Klingelfee, die Glueeksfée, die Lottofee, die Kueehenfee, die Staubsaugerfee, die Schienenfee, die Praxisfee, die Sexsirene, die Badenixe, der Hausdragoner, der Hausdraehen, der Ehedraehe, der Kueehendrache, du' Vorzimmerdrache, der Eheteufel, der Schmaehtengel, der Badeengel, der Wolkenengel, der Motorengel*.

«*Alte Hexe!*» sagte er [Remarque 1960: 337].

Широкими дистрибутивными возможностями обладают названия женских титулов, употребляемые в переносном значении (*die Koenigin, die Prinzessin*). Они могут выступать в качестве вторых серийных компонентов метафорических переосмыслений, значение которого определяется по смыслу первого компонента (*die Busenkoenigin, die Schulzenkoenigin, die Schoenkoenigin, die Maikoenigin, die Weinkoenigin, die Auspuffprinzessin, die Killerqueen*).

Большую роль при употреблении ономастических имен женщин играют ассоциации со сказочными персонажами типа *das Aschenbroedel, das Aschenputtel, die Dulzinea, die Marjell*.

Возможна также имитация имен собственных за счет сочетания нарицательных наименований и проформ *Frau, Miss, Fraeulein* в препозиции, что создает шутливый или ироничный оттенок (*Frau Storch - Hebamme, Frau Reinlich - Frau Wisch-Wisch - Putzfrau, Miss Nachtisch - Kellnerin*).

В роли суффиксоидов-переносных названий родства при субъективно-оценочной характеристике женщин выступают родственные термины женского рода *-schwester, -tante, -tochter, -mutter, -base, -witwe, -braut* (*Bettschwester, Kaffeeschwester; Kaffeetante, Klatschtante, Schmettelante; Koenigtochter; Puffmutter, Puppenmutter; Klatschbase; Strohwitwe, Sonntagswitwe, Fussballwitwe, Rollerbraut, Klammerbraut*).

Наряду с метафорическими переосмыслениями важную роль играют метонимы, характеризующие женщину. Метонимы продуктивны в роли суффиксоидов. Небольшую активность проявляют полусуффиксы-названия частей человеческого тела. К таковым относятся *-zahn, -bein: Eckzahn, Stifzahn, Wimmerzahn, Bierzahn, Ladenzahn, Luftzahn, Schneidezahn, Milchzahn, Stammzahn, Mordszahn, Stosszahn, Ueberzahn, fangzahn, Lastel'zahn, Viertelzahn, Spritzahn, Unzahn, Weisheitszahn, Strolchbein*. С точки зрения понятийного критерия выделяются семантические группы, аналогичные всем остальным субъективно-оценочным наименованиям лиц женского рода.

Суффиксоиды-названия предметов представлены красочной палитрой образований: *-matratze, -bombe, -zange, -buerste, -spritze, -sehachtel, -granate, -bilg, -stueck, -brett, -gemaelde, -bestaek, -kreuz, -geraet, -filter, -sieb. Amuesiermatratze, Superbombe, Filmbombe, Eisbombe, Beisszange, Kratzbuerste, Krawallsehaehtel, Dienstspritze, Giitspritze, Weibsstueek, Weibsbild, Hauskreuz, Besteek, Tanzstundengeruet, Direktionsjilter, Haarsieb, Buegelbrett, Plaebrett, Oelgemaelde*. Родовая мотивация этих образований детерминирована по добавочному элементу-первому компоненту слова, призванного «прояснить» их смысловую сторону.

Названия абстрактных и прочих предметов в переносном значении отличаются большим разнообразием в этой сфере и могут выступать в роли вторых компонентов сложных слов. К таковым относятся: *-figur, -gestalt, -flamme, -star, -modell, -mannequin, -kreuz, -loeh*.

Например: *Luxusjigur, Bittere-Reis-Figur; Fleisehbesehau; Stiehflamme; Kurvenstar, Schulzenstar, Flimmerstar, Busenstar, Top-Model*.

Vorbei scheinen die Zeiten, in denen er .. auf dem besten Weg war, nach der Trennung von Top-Modell Claudia Schiffer [29] *ein verbitterter, liebeskranker Mann zu wenden* [E/F, № 39/2000: 12].

Гастронимы представлены наименованием *die Nudel*, которое весьма продуктивно в статусе серийного компонента сложных слов, характеризующих женщин, образуя разнообразные комбинации типа *die Skandalnudel*. Среди переосмыслений предметного характера большой удельный вес составляют вульгаризмы (*das Loch*).

При метонимическом употреблении абстрактных наименований лиц наблюдается субституция одного названия другим по ассоциации по смежности. Например: *Bedienung (Reinmaehfrau); Haushaltshilfe (Hausmaedchen); Reinigungskrajt (Putzfrau)*.

Абстрактные субстантивы, выступающие в статусе коннотативов, единичны и обладают, как правило, негативной оценкой (*meine Regierung Ehefrau, Pflaumenhandlung, Tarifehoehheit - Hure*), однако при оценивании женской привлекательности и красоты прослеживаются нотки восторга и восхищения

(*Blusensehoenheit, Mikrophonschoenheit, Hollywood-Sehoenheit*).

Образование пейоративов путем каламбурного использования слов, сходных по звучанию или частично по морфемному составу, представляет собой один из способов пейоративной паронимии (*Primatonne = Primadonne + Tonne, Zanktippe = Zank + Xantippe*).

Для женских субъективно-оценочных наименований характерно наличие широко развитых синонимических отношений. Например, существуют многочисленные синонимические ряды с доминантами, являющимися обозначениями проституток (*die Hure - das Loch- das Schrappel - Pferdchen - Betthaeschen-Gunstgewerblerin - Horizontalgewerblerin - Privatdozentin u dьругие*).

Среди выразительных средств значительное место занимают фразеологизмы, в которых отражается юмор дюдей, их стремление и склонность к иронии и оригинальности. Фразеологические единицы, обладая отрицательной направленностью, способны давать оценку свойствам, *качества / u (oeffentliches Verkehrsmittel, keuches Etui, kaltes Gemuese, finsterer Zuckerdraht)*, внешности (*blondes Gift, Zucker*) профессии (*naechtlicher Raubvogel mit sieben Buchstaben*) и возрасту (*hinten Lyzeum, vorne Museum, altes Reff*).

Мужскими наименованиями лица женского рода обозначаются с целью усиления негативного отношения за счет черт, нетипичных для женщин (*Schlitzsoldat, kesser Vater, Feldwebel, Feldherr*).

Ein eifersueehtiges Weib ist als Spion nicht zu verachten [Hammesfahr 2000: 116].

Наряду с этим возможно порождение и функционирование специфических образований, служащих для обозначения актуальных в данной сфере наименований лиц женского рода; коммуникативная потребность в подобных образованиях столь велика, что говорящие пренебрегают запретами, которые налагает словообразовательная система языка на те или иные морфемные сочетания. Так возникают окказионализмы типа *Lehrlingin. Lolofrigida = Lolo Brigita + .frigide; Amizone = Ami + Amazone*.

Итак, представленные антропонимы, характеризующие лица только мужского или только женского рода, свидетельствуют о способности рода вызывать определенные ассоциативные представления, а значит являться семантически активной категорией.

Список использованной литературы

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. - М., 1988.
2. Джемс У. Личность // Психология личности: Тексты. - М., 1982.
3. Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика. - М., 1979.
4. Домашнев А. И. Проблемы классификации немецких социолектов // Вопросы языкознания. - № 2. - 2001.
5. Косиков Г. К. Два пути французского построманизма: символисты и Лотреамон // Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдорора. - М., 1993.
6. Кулигина Т. И. Категория оценки и средства ее выражения в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Ленинград, 1985.
7. Мартынов А. А. Названия животных в составе устойчивых сравнений (на материале французского языка) // Современный французский язык в его динамическом аспекте. - 1987.
8. Телия В. Н. Типы языковых значений (связанное значение слова в языке). - М., 1981.
9. Шарифулина С. Р. Вторичные функции местоимений в современном немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук. - 10.02.04. - Нижний Новгород, 1996.
10. Moser H. Umgangssprache: Ueberlegungen zu ihren Formen und ihrer Stellung im Sprachganzen // Zeitschrift fuer Mundartforschung. - 1960. - 27.

Список использованных словарей

1. Conrad R. Lexikon sprachwissenschaftlicher Termini. - Leipzig, 1988. - 2., unveraebd. Aufl.
2. Dewkin W. D. Deutsch-russisches Woerterbuch der Umgangssprache. - Moskau; Hamburg, 1999.
3. WDG - Woerterbuch der deutschen Gegebwartssprache / Hrsg. Von R. Klappenbach und W. Steinitz. - Berlin, 1975.

Список использованной художественной литературы и публицистических источников

1. Hammesfahr P. Der glaeserne Himmel. - Hamburg, 2000.
2. Kaestner Emil und die Detektive. - Hamburg; Zuerich, 1995.
3. Lind H. Ein Mann fuer jede Tonart. - Frankfurt am Main, 1998.
4. Mann H. Der Untertan. - L., 1960.
5. Otto H. Die Luege. - Berlin, 1991.
6. Remarque E. M. Der schwarze Obelisk. - 1957.
7. Remarque E. M. Im Westen nichts Neues. - М., 1959.
8. Remarque E. M. Drei Kameraden. - М., 1960.
9. E/F - Echo der Frau. - № 39. - 1999.
10. S/I - Super ILLU / Eine fuer uns - Die grosse deutsche Illustrierte.
11. Froesi - 1972. - Н. 8.